

Гарри подошел к своему сундуку и, откинув крышку, бросил взгляд на содержимое. — Крэнки, — обратился он к старому эльфу, — отнеси пока все семейные вещи в поместье. Спрячь их где угодно. Можешь оставить только предметы, имеющие чисто эстетическую или практическую ценность и относящиеся исключительно к школьным делам. Крэнки кивнул, щелкнув пальцами. Глава дома, похоже, тоже согласился с этой просьбой и повернулся к Гарри. — Что случилось с твоими мантиями? — бросил он, скрестив руки на груди. Гарри, погруженный в шок, попытался собраться с мыслями и ответить как можно более убедительно. — Это моя собственная кровь, — произнес он, стараясь, чтобы голос звучал уверенно. — Мадам Помфри в курсе проблемы. Это одна из причин, по которой я вышел ночью. Он мысленно проверил свои слова и кивнул, подтверждая сказанное. Конечно, он мог бы просто солгать этому человеку, но ложь казалась такой неуклюжей. — Похоже, я унаследовал от своего деда больше, чем думал сначала... — пробормотал он себе под нос. Мастер зелий щелкнул палочкой и прошептал несколько слов. Мантия Гарри начала светиться, и через мгновение мужчина кивнул. — Кажется, твоя история пока достаточно правдоподобна, или, по крайней мере, в ней действительно течет твоя кровь. Немедленно переоденься в другую и позволь домовому эльфу уничтожить эту! — отчеканил он, не скрывая раздражения. — Даже после очистки она будет уличать тебя в использовании магии за пределами общежитий, так как я сомневаюсь, что твоя прогулка была совершенно невинной. Гарри не удержался и уставился на мужчину в полном недоумении, за что получил в ответ лишь усмешку. — Пожалуйста, Блэк, — продолжил мастер зелий, — ты принимаешь меня за дурака? Я принимаю твою историю только потому, что было бы слишком глупо разыгрывать два сюжета в одну ночь. Может, ты и не в курсе, но я знаю, когда открывается вход в общую комнату после окончания рабочего дня. А теперь приступай к делу! Гарри повернулся и переоделся в другой комплект мантии. С каждым движением он вспоминал свои попытки колдовать той ночью и был очень осторожен, чтобы не показать свою левую руку. — Крэнки, — обратился он к эльфу, — пожалуйста, избавься от этого комплекта мантии и принеси мне утром другой. Эльф снова кивнул и щелкнул пальцами. — Хорошо, — продолжил мастер зелий, — а теперь отправь своего эльфа прочь и следуй за мной в мой кабинет. Ты останешься там, что бы тебе ни говорили другие сотрудники. Даже директор школы не имеет права перечить мне в вопросах безопасности моих учеников. Все ясно? — Да, сэр. Спасибо, Крэнки! — Гарри кивнул эльфу, который поклонился и окинул его долгим, обеспокоенным взглядом. — Крэнки живет, чтобы служить Дому Блэков, — прошептал эльф, прежде чем исчезнуть. — Кстати, — спросил мастер зелий, — это твои чары для мистера Малфоя и компании? — Э, да, сэр, — ответил Гарри, опустив глаза. Мужчина лишь приподнял бровь, но больше никаких вопросов не задавал. — Хорошо, — бросил он, — они пригодятся. Оставь их себе, но очисти свою палочку, выполнив не менее тридцати попыток заклинаний, которые ты должен был выучить сегодня на уроке или использовать в поезде, в правильном порядке. Начни сразу же, как только окажешься в моем кабинете. Мужчина жестом велел Гарри покинуть комнату и начал странное размашистое движение своей палочкой, которое Гарри не мог точно определить. Он чувствовал разрушительный вихрь магии, но, поскольку его Окклюменция не снизилась ни на йоту от своих максимальных возможностей, было невозможно определить размытые впечатления, которые исходили от Волшебной палочки мужчины. Это было похоже на статическое электричество. Затем он указал на дверь в общую комнату, и Гарри начал идти. Он слышал позади себя слабый рокот опознавательных заклинаний и других зелий и знал, что мужчина, должно быть, пытается избавиться от последнего наложенного им заклинания. Как раз перед тем, как они достигли личного кабинета мастера «Зельеварение», его остановили, и рука на плече развернула его. — И последнее, мистер Блэк, — прошипел мастер зелий, — если ты еще раз назовешь меня «профессор Хаммерконк» или научишь этому своих слуг, ты очень пожалеешь. Глаза Гарри расширились, и он постарался сохранить спокойствие. Черт, еще один, с кем я должен хорошо играть. — Я сожалею, профессор, — пробормотал он, — я прошу прощения. Мы не были представлены друг другу, я был в лазарете прошлой ночью... — Я понимаю это, — продолжил

мужчина, — и ты должен быть очень благодарен мне за это. Я профессор Снейп, Блэк, и я очень жду твоего пребывания в нашей школе. Оно обещает быть весьма насыщенным событиями, если, конечно, ты переживешь ближайшие годы. А теперь — в кабинет и никому ни слова. Если МакГонагалл или директор спросят тебя, что ты здесь делаешь, скажи, что тебе дали Дисциплинарное наказание за прогул урока. Ни одного — другого — слова из твоих уст, понял? Если повезет, ты даже сможешь избежать допроса у Мракоборцев. Гарри никогда в жизни не был так измотан. То время, когда он был без сознания в кладовке, не принесло ему настоящего утешения; он чуть не умер тогда от истощения, хотя и старался не подавать виду при Дафне. — Черт, — прошептал он, — моя рука до сих пор болит, как будто она в огне. Сидя в кресле у камина с поникшими глазами и произнося несколько случайных заклинаний баррикады и левитации, он пытался обдумать события последних двух дней. Все произошло так быстро, слишком много информации за слишком короткое время. Другие могли бы счесть это преимуществом, но обычно было гораздо проще отличить ценную информацию от неважной, когда дни проходили довольно без событий. Но за последние тридцать часов произошло слишком много событий. Не помогало и то, что он обращал внимание только на часть из них, потому что все время пытался не упасть в обморок. Если хоть одна подсказка, необходимая для решения этой неразберихи, была дана ему, пока он был занят борьбой за свой рассудок, он был по-настоящему потерян. Дафна попытается помочь ему, он был уверен, но их близкие отношения будут известны всем, и он будет весьма обижен, если его обманет кукловод, достаточно глупый, чтобы позволить чему-то ускользнуть в ее компании. Он не должен полностью отвергать такую возможность, но было бы разумно сначала подумать о других вещах. Гермиона... пока что была вне игры. Он знал, что какое-то время не сможет подойти к ней случайно, да и Дафна в любом случае не позволит. Кроме того, оставался небольшой вопрос «уговоров» Дафны. Он знал, насколько защитной была его кузина, и она была даже не худшей из всех в этом отношении, просто самой смелой. Хотя она могла кричать и не стесняться публичных проявлений насилия, Эми наверняка взяла бы ржавый нож, прокралась в комнату Гермионы посреди ночи и напугала ее до полного подчинения искренней и убедительной демонстрацией мягких пыток... Да, он был очень рад, что в данный момент в деле не замешаны Лестранжи, потому что Гермиона пригодилась бы позже. Правда, она была инструментом для того, чтобы заманивать в ловушку более глупых Слизеринов, но это было еще не все. Он действительно намеревался сделать все вокруг лучше — или, по крайней мере, больше по своему вкусу, размышлял он. Теперь ей предстояло сражаться в собственных битвах. Возможно, Трейси возьмет ее под свое крыло. Она была чересчур доброй, к собственному несчастью, но если Дафна узнает об этом и вздумает возражать, то можно не сомневаться, где будут лежать ее приоритеты. — Вопрос с непосредственной опасностью в общей комнате, похоже, разрешился сам собой, — размышлял он. — Хотя почти не было сомнений, что у него на свободе есть очень рьяный враг, который наверняка сумел бы обвинить Гарри в убийстве Нотта, если бы его в тот момент не было в общежитии. Маленькие глупые червячки теперь дадут ему немного свободы. Что бы ни показало расследование, другие не оставят без внимания его причастность к этому делу, а со страхом он мог смириться. Это было лучше, чем открытая враждебность...